

Игорь Михайлов

«ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА» ГАНСА ЛИППСА

Мы привыкли ориентироваться на «классиков» философии той или иной эпохи. При этом мы неизбежно забываем о зачастую не менее талантливых мыслителях, в диалоге и полемике с которыми развивались идеи, обычно приписываемые лишь немногим наиболее известным философам. В этой статье я постараюсь показать, что один из учеников Э. Гуссерля, Ганс Липпс, предложил не только оригинальное толкование феноменологических идей, но и предвосхитил многие перспективные концепции XX в. Не исключая возможной в таком случае переоценки философской значимости наследия Липпса, я полагаю, что по масштабу дарования и оригинальности им созданного он не уступает многим из общепризнанных мыслителей современности.

Когда осенью 1941 г. в Германию пришло известие, что на полях России погиб полковой врач Ганс Липпс, эта смерть всколыхнула многих. В письме к вдове погибшего Мартин Хайдеггер заверяет: этот человек «остается единственным из мудрых и зрелых, к мысленному диалогу с которым будет и в будущем направляться моя мысль». Правда, то письмо — единственное свидетельство, где он признается в духовном сродстве со своим менее известным соотечественником. В письме самому Липпсу от 10 ноября 1928 г. Хайдеггер лишь благодарит адресата за полученные книги и не единым словом не касается общности их взглядов, которая к тому времени достаточно отчетливо проявилась. Полагают, что эта интеллектуальная близость была для Хайдеггера не столь уж желательной. Однако этапу, который обнаружил герменевтическую ориентацию Липпса, предшествовало время достаточно бурного развития, соединяющего в себе самые разнообразные интересы.

Ганс Липпс (род. в 1889 г.) еще учеником известной гимназии в Дрездене обнаружил одаренность как в искусстве, так и в точных науках. По окончании обучения в гимназии он занимается архитектурой. С 1909 г., в университете г. Мюнхена, философия становится одним из предметов, которые изучает Липпс. Примечательно, что он сближается не со влиятельной в то время феноменологической группой, а со значительно менее известным профессором Гансом

Корнелиусом. Покинув Мюнхен, Липпс во время добровольной одногодичной службы в Дрездене знакомится с «Логическими исследованиями» Гуссерля, и это предопределяет его дальнейшую судьбу: весной 1911 г. он отправляется в Геттинген, чтобы стать учеником прославленного философа.

Окунувшись в среду талантливой молодежи, окружавшей в то время Гуссерля, Липпс заметно выделяется на общем фоне. Острота его ума и серьезность увлечения философией не остаются незамеченными: летом 1913 г. ему, совместно с Жаном Херингом доверяют корректуру второго издания «Логических исследований». Однако попытки найти себя не завершаются, как этого, наверное, следовало бы ожидать, окончательным выбором философии. Незадолго до начала первой мировой войны в круг интересов студента попадает медицина. Естественнонаучные интересы явно превалируют над остальными, и в конце 1912 г. Липпс защищает диссертацию «О структурных изменениях растений в меняющейся среде», а к 1913 г. числится уже на медицинском факультете. Занятия в Геттингене прерываются началом боевых действий, и ему предоставляется возможность реализовать свое «второе призвание» — он отправляется на фронт в качестве врача. Сохранилось несколько писем из Гуссерля и Липпса, относящихся к этому периоду, которые свидетельствуют, что связь с Учителем не прерывалась и в военное время. По возвращении с фронта Липпс получает должность приват-доцента философии в Геттингене.

После войны Липпс, как и другие геттингенские феноменологи, ориентируются на Фрайбург, куда в 1916 году, на место Г. Риккерта, пригласили Гуссерля. В этом городе Гуссерлю приходится начинать все заново, поскольку часть его учеников еще остается на фронте, некоторые погибли. В те годы его усилия направлены на построение систематической философии, и он желает объединить вокруг себя всех немногих оставшихся молодых людей. Липпса же он вскоре побуждает включиться в полемику тех лет о роли и значении феноменологии¹. Тот сохраняет дистанцию, с недоверием наблюдая за «феноменологами, которые здесь крутятся», и сдержанно отмечает восхищение ими Гуссерля. Сам же размышляет в первую очередь о габилизации, против которой Гуссерль хотя ничего против и не имеет, однако дает Липпсу все новые и новые поручения. В конечном счете конфликт с одним из учеников Гуссерля побуждает Липпса покинуть Фрайбург. В он уже 1920 г. готовится к габилизации в хо-

рошо знакомом ему Геттингене. Все личные обиды между ним и учителем вскоре забыты, и Гуссерль дает ему откровенно положительный отзыв: «...многие годы был моим учеником, одним из лучших, каких я мог только желать... острота и глубина необычайная... склонен ожидать от него больших достижений»². В 1921 г. габилизация успешно завершена. В Геттингене на Липпса обращает внимание Георг Миш³, с которым они в зимнем семестре 1923-24 гг. совместно ведут семинар «Учение о значении (герменевтика)». Примерно в это же время появляется тема «феноменологии познания», по которой Липпс ведет занятия в зимнем семестре 1924-25 гг. Завязываются контакты с философом и теоретиком права Карлом Шмиттом, которого заинтересовывала статья Липпса «О наказании» (1924)⁴ и, в частности, проведенное в ней различие между преступлением, «проступком» (Vergehen) по отношению к вещи и преступлением по отношению к личности (иначе: грехом). Эта статья — одна из немногих публикаций Липпса того времени, кроме нее известны лишь несколько рецензий для «Геттингенских ученых записок». Примечательно, что в центре философских интересов Липпса уже тогда оказалась теория предикации, или, иначе, вопрос о смысле связки «есть (ist)»⁵. Впервые это документировано в статье «Вопрос о степенях действительности чувственных качеств», вошедшей позднее в §§ 15—22 первой монографии Липпса, в которой он формально связывает себя с феноменологическим типом мышления — «Исследования к феноменологии познания. Часть I. Вещь и ее свойства»⁶ (1927). Своеобразным эпиграфом ко всем последующим работам Липпса может служить его собственное замечание из предисловия к книге: «Здесь есть, конечно, отход от некоторых формулировок Гуссерля. Но и в этом, как мне кажется, я остаюсь всего лишь его учеником» (I, 5). Следует отдать дань скромности молодого философа, в столь вежливой форме благодарящего своего учителя. Однако, как будет видно далее, уже в этой своей первой работе он предлагает подход, в корне противоположный «Логическим исследованиям» Гуссерля. Постепенно Липпсу удается обратить на себя внимание достаточно известных мыслителей. «Все больше удивляюсь тому, — откликнулся К. Шмитт, получив от Липпса его сочинение, — непосредственной юридической применимости Ваших исследований, и поэтому читаю их с особой радостью и большой пользой»⁷.

Вторая часть «Исследований к феноменологии познания» — «Высказывание и суждение» — появилась в июле 1928 г. В реакции на эту работу впервые замечают близость Липпса Хайдеггеру. «Удивился согласно с Хайдеггером в Вашей последней книге, — пишет германист и историк литературы Герман Мюллер. — Вы ведь занимаетесь чем-то совершенно иным и не имеете ничего общего с отвратительной заботой и тому подобными морализмами по поводу ужаса? Во всяком случае Ваши книги я считаю совершенно выдающимися, а “Бытие и время” подобным истоку⁸ на общественной уборной...»⁹.

Кроме содержательных параллелей, которые я буду обсуждать далее, Липпс дает и формальный повод для сопоставления его позиции с хайдеггеровской, предпосылая второй части своей работы предисловие из двух предложений: «После завершения 1-й части данных исследований появился труд Хайдеггера “Бытие и время”. Экзистенциальная аналитика дала мне — не только в терминологии — средства, выразить многое яснее, чем я мог это сделать на основании своего первоначального подхода». С тех пор в темах, которые обсуждает Липпс, бросаются в глаза достаточно много пересечений с дискуссиями того времени. Проблемы затронутые Липпсом в статье «Способ переживания “примитивного”» оказались созвучными появившейся незадолго до того критикой Хайдеггером второй части «Философии символических форм» Э. Кассирера¹⁰.

Кроме статьи «Солдат последней войны» (1935), последующие работы Липпса не вызвали широкого резонанса. Очевидно, не в последнюю очередь в заботе о своих оставшихся без матери детях Липпс пытается упрочить свое академическое и экономическое положение уступками режиму национал-социалистов. Уже в 1934 г. он вступает в так называемые конные части СС¹¹. Современники, однако, отмечают, что труды и лекции Липпса не имели ничего общего с идеологией нацизма.

«Герменевтическая логика» (1938), одно из наиболее интересных в философском отношении сочинений, будет рассмотрена нами далее. Последние исследования Липпса были собраны в книге «Природа человека» (1941), их поспешная публикация обусловлена началом войны. После войны о Липпсе не вспоминают. Более чем кратко пишет о Липпсе в предисловии к его работам Г.-Г. Гадамер, говоря о влиянии на Липпса Гуссерля и Хайдеггера, его общности с М. Шелером и А. Райнахом, при этом ни слова не упоминая, что не-

которые собственные идеи «Истины и метода» почерпнуты из работ Липпса¹².

На первый взгляд, стиль и особенности мышления Липпса не претерпели существенных изменений вплоть до последней основополагающей работы 1938 г.: «Исследования к герменевтической логике». Мало меняются и интересующие философа темы. В 1937 г. Липпс вновь обращается к теме наказания в статье «Ответственность, вменяемость, наказание», в известной мере повторяя или развивая сказанное им в уже упоминавшейся статье 1921 г. Его труды — по-прежнему вариации на один и тот же изначально выбранный круг проблем. Понимание каждой из таких «вариаций» вне общего контекста затруднено. Так, уместившаяся на семнадцать страниц статья «Прагматизм и экзистенциальная философия» во многом приоткрывает тайну «Герменевтической логики». Выясняется, что предложенная Липпсом модель герменевтической логики (вернее то, что, будучи систематически развернуто, приобретает такое название) самым серьезным образом обусловлено прагматизмом и экзистенциализмом — разумеется, весьма нетрадиционно истолкованными.

Выше мы приводили замечание Липпса относительно его принадлежности к философской школе Гуссерля. Еще одну характеристику мы находим у Гадамера, в предисловии уже упоминавшихся «Исследований к феноменологии познания». По его словам, не только замысел первой книги Липпса, но и его философскую позицию в целом можно охарактеризовать как место «между прагматизмом и экзистенциальной философией». Если дело здесь не в смешении давно известных и считающихся различными философских направлений, то мы имеем хорошую возможность убедиться во внутреннем единстве основных течений философии XX в. Разделенными они представляются теперь лишь *стороннему* наблюдателю. Непосредственным же «участникам» они таковыми отнюдь не казались. Этим, кстати, и объясняется «либеральность» основателя феноменологии, усматривавшего родственные ему мотивы в философии мыслителей, традиционно не ассоциируемых с его собственной исследовательской программой. Так, в письме Вильгельму Дильтею от 11 июля 1911 г. Гуссерль заявляет, что то, чем они оба занимаются, есть, в сущности, «одно и то же». Известны и аналогичные характеристики, данные Гуссерлем Ясперсу. Оценка Гуссерля, «записавшего» Ясперса в феноменологи, представляется по меньшей мере не-

ожиданной. Но она также наталкивает нас на мысль о том, что, возможно, некоторые тайны философских основных течений прошлого века станут понятнее при обращении к трудам менее известных мыслителей (учеников и последователей), синтезировавших в своем творчестве самые разнообразные философско-культурные влияния. Обсуждая философию Ганса Липпса, необходимо постоянно помнить об этой более общей перспективе.

Немецкий исследователь Больнов полагает, что естественнонаучные интересы Липпса и его ученичество у Гуссерля как раз и предопределили перемещение сферы его интересов с феноменологического анализа познания на анализ языка, завершившееся созданием герменевтической логики. «От естественных наук пришло умение видеть многогранность действительности, чутье на самые мелкие и скрытые различия, а также желание как можно более полным образом описать это многообразие мира, избегая грубых схем и ложных обобщений, делая мир зримым во всем его богатстве»¹³. Под влиянием Липпса богатой медицинской практики эта установка усилила его недоверие ко всякого рода умозрительной, спекулятивной философии, оказавшись вместе с тем удивительно созвучной феноменологической программе с ее требованием направить внимание на «сами вещи», неподвластные абстракциям, навязываемым теоретическими конструкциями.

Одним из препятствий на пути феноменологии оставались традиционная логика и сопутствующие ей представления о языке. Как известно, формальная логика рассматривала логические формы (понятие, суждение, умозаключение) вне их связи с содержанием мышления — в качестве своеобразного «мыслительного инвентаря» рассудка. В соответствии с этим задача формальной логики могла бы быть обозначена как «морфология форм» мышления. Именно здесь, по мысли Липпса, и коренилась порочность выбранного метода. В основе его лежало убеждение, что слова — всего лишь метки, «этикетки», указывающие на определенное объективное мыслительное содержание. Предполагалось также, что слово служит выражением «внутренней речи», которой при произнесении соответствуют слова. В рамках этой парадигмы только и имело смысл говорить об «объективном содержании» речи. Неудовлетворительность данного подхода обнаруживалась уже в том, что вместо *живого языка человека* рассматривался некий усеченный и определенным образом препарированный язык. В логике не оказалось места советам, просьбам, во-

просам, примерам, неконтролируемым возгласам, омонимичности слов, — короче, всему, из чего наряду с понятиями и умозаключениями соткана живая человеческая речь, язык человека. И все это было сделано только на том основании, что указанные речевые формы «не могут быть “истинными”» (I, 20).

Безусловно, к началу XX в. уже давно стала тривиальностью мысль о том, что логическая форма может выступать в различных ипостасях: как средство выражения чего-либо, озвученного обдумывания, совета. Разумеется, в высказывании на передний план попеременно выступают разные уровни — в зависимости от его интеллектуальной нагруженности, жизненности, и т. п. Однако корректировка традиционной статичности логической форм, понятая как осознанная философская программа, начинает наиболее интенсивно осуществляться именно в это время. Встает задача создания логики, способной противостоять традиционным конструкциям, что согласуется с общим пафосом феноменологического движения того времени.

Липпс начинает свое исследование с попытки ответить на вопросы: Что есть человек? Что есть язык, речь человека? Вопросы правда, формулируются уже не в духе немецкой классической философии. Липпса не интересует «природа» или «сущность» человека. Его «действительность», — вот формула, более удачно объединяющая все размышления Липпса о человеке¹⁴. «Действительность человека» в духе немецкой пост-классики середины XX в. означает интерес к человеку в его повседневности, в его непосредственном обращении с вещами, «изначальном» обращении к миру. Такой ракурс рассмотрения определен соответствующими пластами человеческой речи, не отраженными в современной Липпсу логической науке. Однако может ли обсуждение проблемы *человека* иметь непосредственное отношение к *логике*? Не ведет ли этот путь в направлении известного еще с конца XIX века психологического обоснования логики? Отправную точку философствования Липпса характеризует еще и убеждение в том, что вопрос о «человеке», с одной стороны, и вопрошание о «речи», «языке» — с другой — оказываются, в конечном счете, вопросами об одном и том же. Речь, язык, как будет показано в дальнейшем, служат ключом к пониманию тайны человеческого бытия, его экзистенциальности.

Начать с постановки проблемы человека в общем плане вполне оправданно стратегически. Липпс пытается пробиться к человеку и

формам его «говорящего и мыслящего поведения». И как раз *эти* формы могут стать подлинной основой феноменологически выявленных логических форм, прочным фундаментом новой логики. Почему же эта новая логика получает определение «герменевтическая»? Следует вспомнить, что задача создания основ гуманитарных наук («наук о духе») в свое время привела В. Дильтея к необходимости более всесторонней и широкой интерпретации субъекта. Последний, терминологически фиксированный в качестве «человеческой жизни», может быть доступен пониманию. *Истолкованием* же и *интерпретацией* Дильтей стал называть «художественное понимание», «искусство понимания» письменно зафиксированных проявлений жизни. Все это дает возможность определить герменевтику не только как специфическое искусство истолкования теологических, литературных и исторических текстов, но и как процесс проникновения в содержащиеся в тексте *следы* человеческого бытия. С того времени герменевтика все более становится искусством интерпретации *человеческой жизни*. При этом «жизнь» выступает той основой, за пределы которой исследователь не в состоянии проникнуть. На основе «жизни», из нее самой, должны быть поняты все объективации человеческого духа, в том числе речь, слово, логические формы.

Но что есть «изначальное» отношение к миру? Что есть «повседневность» человека, с выяснения характера которой начинается Липпс? Это и есть та самая жизнь, те формы «говорящего и мыслящего поведения», из которых должны быть поняты формы логики. Тогда новая логика, анализируя логические формы, выполняет по отношению к жизни, их питающей, функцию истолкования, т.е. *герменевтическую*. Эта логика не довольствуется, поэтому, анализом ставших форм. «Она начинает с ситуации [в том ее виде] как та отливается в слово» (I, 20).

Итак, метод анализа языка определен как герменевтический. Однако как сломать стереотип восприятия слова как отражения определенного «объективного» содержания? Ведь именно этот шаблон накрепко связывает слово с вещью, состоянием, но не ситуацией, жизнью. Без устранения этого препятствия невозможен и феноменологический («феноменологический» — в понимании Липпса) анализ языка, т.е. воспроизведение его во всей *жизненной* полноте.

Как это обычно в таких случаях делается, подтверждение своим догадкам Липпс, ищет в сфере этимологии, обращая внимание на

изначальное единство слова и мысли в понятии «логоса» у Аристотеля (так поступает, кстати, и Хайдеггер¹⁵). При этом обнаруживается, что слово совсем не обязательно должно пониматься как знак для обозначения теоретически однозначно фиксированного предмета. На этом этапе Липпс решает все ту же задачу, что и его коллега. Необходимо показать, что теоретическое отношение к миру не может претендовать на приоритет¹⁶: теоретико-познавательное отношение должно войти в «экзистенциальную аналитику»; нельзя сводить все сущее к субъекту или сознанию, которые характеризуются как «невещные» и «остаются неопределенны в своем бытии»¹⁷. Онтологический аспект не является для Липпса центральным, и для него эти требования означают обращение просто к анализу существования человека.

Ἐστὶ δὲ λόγος ἄλλος μὲν σημαντικός (Аристотель, Об истолковании, 17 а 1) — перевод этой фразы Липпс считает крайне важным, ибо ее немецкий вариант у Тренделенбурга — «Всякая речь служит для обозначения»¹⁸ — не учитывает подлинного, по мнению Липпса, смысла σημαίνει: «сообщить нечто кому-либо». Лишь этот аспект «семантического» открывает нам подлинную природу знака. Знаки «всегда должны сообщать кому-то нечто. Дорожный знак ставится, чтобы, например, проинформировать водителя об опасности нерегулируемого железнодорожного переезда. Его “значение” (“Bedeutung”) в данном случае — в указании, которое он дает» (I, 7). Ориентироваться на это значение «означает» ехать осторожно. Совершенно с иной ситуацией мы имеем дело, когда видим знак-обозначение железнодорожного переезда на карте. Лишь для этого второго знака подошло бы выражение «служить обозначением чего-либо». Здесь знак предметно заменяем. Итак, адекватное восприятие знака предполагает определенное действие. Такого же мнения придерживается и Хайдеггер¹⁹.

Проведенное Липпсом различие между типами знаков крайне важно для его замысла, ибо указывает на две принципиально различные (но равным образом возможные) установки человеческого бытия-в-мире. Первая ситуация с дорожным знаком служит примером «изначального отношения к миру», когда человек оказывается один на один с вещами во всей целостности своего бытия, в единстве «чувственности, воления и представления». Изначальному отношению к миру противопоставляется «деловое», в которое погружен, например, физик. Человек не имеет в этом случае дела с вещами не-

посредственно: замкнутый на себя миром «гипотетических понятий», он изучает их, рассматривая через призму теории определенной науки²⁰. Поскольку человек в непосредственном отношении к вещам выступает в качестве *вопрошающего*, то герменевтическая логика — если попытаться определить ее задачу иными словами — соотносит любую речевую форму с вопросом, «ответом» на который та является. Рассмотрим, как охарактеризованная выше позиция Липпса реализуется применительно к анализу языка и логических форм.

Слово — первое, на чем останавливает свое внимание Липпс. Слово есть *вариант* соответствующей мысли, ее вычерчивание (*Auszeichnung*) (I, 8), проясняющее ситуацию, «подводящее меня к вещи». Но слово «не дает ее мне» (I, 8). «Артикулируемое слово окружает пояс невыразимого... Человек говорит из живого “сейчас”. Поэтому понимать что-либо буквально (или: “дословно”) чаще всего означает: цепляться за слова, тем самым перевирая сказанное» (I, 71). В результате, при попытке найти «значение» слова, вырывание его из контекста ситуации, может придавать слову совершенно чуждые ему значения. Потребность «привлечь слово к ответу» рождает, как полагает Липпс, научные понятия. Человек ищет понятия, которые может «с чем-то связать». «Значение слова должно быть “точно определено”. Но такое перетолковывание вовсе не является переводом. И опорой жизни являются вовсе не эти понятия». Последнее предложение в оригинале проясняет многое: «Und die *Griffe* des alltäglichen Lebens sind überhaupt nicht solche *Begriffe*» (выделено мною. — *И. М.*). Липпс усматривает в самом строении слова «понятие» («*Begriff*») и понимать («*begreifen*») родственную структуру, что служит подтверждением его догадки относительно экзистенциального прошлого и настоящего языка. «Понимать» означает: искать почву под ногами, стремиться к определенности и ясности, а следовательно, и устойчивости своего существования. «Понимать» — не что иное, как «ухватить» вещи (*im Griff nehmen*) (I, 62).

Существенно, что эта мысль (да и любая мысль вообще) воспринимается другими лишь в той мере, в какой к ней приходит *сам* воспринимающий. «Другой узнает при этом не что иное, как то, что он мог бы *сам*, и точно так же и себя самого заметить. Я лишь помогаю ему достичь в его понимании соответствующее внутреннее отношение к положению дел...» (I, 13). Именно *наталкивание* Другого словом на мысль, а не «угадывание» за ним некоего «объективного со-

держания» является пониманием. Слово (или: «логос», который Липпс использует в качестве синонима «слова»), «наталкивающее-на...», проникающее во внутренний мир другого человека, обнаруживает свою экзистенциальную природу. Именно в слове, речи, человек встречается с экзистенцией Другого.

Липпс вспоминает известное размышление Фейербаха, который ему вообще очень близок: «Человек знает, что его мысль не была бы его собственной, если бы не могла быть также — хотя бы в возможности — мыслью Другого». В этом смысле «мы познаем истинность нашего дела (unserer eigenen Sache) лишь через Другого — конечно же, не того или иного случайного другого». Осознание истинности «возможно лишь тогда, когда нечто выговаривается (zum Ausdruck kommt) и затем обсуждается с различных сторон, выявляя степень своей значимости. Люди посвящают друг друга в свой взгляд на вещи. Только в обсуждении, когда один “настраивается” на другого, может выясниться общезначимость какого-либо воззрения. Человек запрашивает при этом собеседника в ответ на высказанную им мысль, возражение и т.п., то есть встречает Другого в его ситуации» (I, 11).

Итак, интерпретация Липпсом $\sigma\eta\mu\lambda\omicron\upsilon\epsilon\iota\nu$ видоизменяет само семантическое отношение, приобретающее теперь человечески-направленный характер, и в этой своей направленности — экзистенциальную окраску. Экзистенциальность обнаруживает себя в возможности «быть посвященным в Другого, в тайну его позиции». Это экзистенциальное событие вызывает, по Липпсу, также и обратный эффект осознания человеком самого себя. Но не только опосредованно (т.е. через Другого) проявляется экзистенциальность речи и слова. «В постепенном развитии мыслей, которые движут человеком и занимают его ... шаг за шагом укрепляет себя экзистенция в ее отношении к миру». Опираясь на отстаиваемое им изначальное единство мысли и слова, Липпс говорит о развитии «мыслей», чтобы подчеркнуть непосредственную значимость «логоса».

Как однако происходит «укрепление» экзистенции? Если, как мы говорили о том ранее, слово — не «слепок» с внутренней речи, но слово и мысль представляют собой некоторое единство и им предшествует жизнь, ничем (и прежде всего научной установкой) не детерминированная, тогда первичное отношение к миру и рождающееся при каждом соприкосновении с ним *вопрошание* — то самое слово, являющееся *ответом* на такое вопрошание — не может счи-

таться простой передачей «Нечто», независимого от средств своего выражения. Тогда следует сказать: слово своим «ответом» как раз «изменяет саму ситуацию — тем, что ее проясняет». Каждое слово есть прорыв в существовании человека, просветление и укрепление его бытия. Из-за своей ситуативности слово оказывается, правда, лишь одним из первых таких прорывов.

Итак, в коммуникации, в повседневном общении конституируется то или иное присущее слову «значение». Липпс, поэтому, считает возможным говорить об «относительности» речи (*Verhältnismäßigkeit der Rede*) — она ограничена совокупностью практик, цель которых заключается в информировании, инструктировании и проч. Один из собеседников отвечает (*entspricht*²¹) другому тем, что ему следует, — например, извлекая урок из его слов, т.е. соответствующим образом выстраивая свое поведение. Разговор, беседа (*Gespräch*), — эта, как выражается Липпс, «нейтральная почва общественного бытия» (I, 32), — всегда ведется двумя партнерами. Беседа «завязывают». При этом предмет (тема) может быть зачастую безразличным для обоих участников, поскольку при этом не столько желают сойтись относительно чего-то (*sich über etwas verständigen*). Целью, скорее, является *взаимопонимание*: «в беседе желают друг друга узнать. Человека “знают” главным образом тогда, когда имели возможность с ним беседовать». Несколько иное кроется в желании «с кем-то поговорить». В этом случае, как правило, ставится определенная цель: выяснить мнение, позицию партнера по какому-либо вопросу. Разговор мы привыкли увязывать предметно. Однако, даже признав это обстоятельство, свести весь смысл разговора к содержательно-предметному — невозможно. Взаимному узнаванию, формированию впечатления о человеке служит здесь также и степень нейтральности, с которой ведется разговор: то, например, что именно в нем «содержательно-предметно» умалчивается. Итак, отметив экзистенциальную природу речи, слова, Липпс заявляет, что понятия, пытающиеся определить и выхолостить слово, не являются опорами повседневной жизни хотя бы потому, что потеряли непосредственную связь с нею, *уже* находясь в сфере «делового» отношения к реальности.

Сложность понимания размышлений Липпса обусловлена, помимо всего прочего, еще и непостоянством терминологии. В статье «Прагматизм и экзистенциальная философия» он еще не различает научные понятия, и понятия, рожденные непосредственно из пове-

дневности человека. Только в «Герменевтической логике» мы находим развернутую дифференциацию понятийных форм. К ним относятся: «концепты» (Konzeptionen), антиципации (Antizipationen), собственно понятия, определения (Bestimmungen) и, далее, категории (Kategorien). «Концепты» — в том значении, в каком употребляет это слово Липпс, — можно было бы определить как предпонятия, т.е. понятия становящегося мышления, или как «основные слова» повседневной жизни. «Каждый концепт в качестве понятого есть шаг к самому себе», — говорит Липпс. Главным становится умение обращаться с ними (Bescheid damit wissen), «знать что с ними делать» — как, например, с выражениями «мел» или «число 579». В обоих случаях для повседневности человеческого существования безразличны «сущность» мела или «смысл» числа 579. Важно лишь, чтобы имелась самая общая ориентация относительно качеств мела, могущих быть полезными для рисования, и было приобретено умение заниматься операциями с числами (I, 58). Используя терминологию Хайдеггера концепты, таким образом, можно назвать «языковым подручным нашей коммуникации»²².

Концепты отражают те или иные стороны вещей — смотря по тому, как те, завися от определенной нацеленности человека, являются ему. Эта разновидность концептов, практически-деятельностно ориентированных, дополняется группой более сложно определяемых. В значительной мере к ним близки образования, часто обозначаемые в отечественной философской литературе как «категории культуры». Так, судя по определениям Липпса, на принадлежность к этой группе претендуют термины «терпение», «добродетель» и проч. Для всех выражений такого рода характерна смысловая размытость, «предопределение направления нашего открывания для себя вещей». В значительно большей степени концептам соответствуют следующие примеры: «тернистый путь», «тупиковый путь» или «прямая дорога в ...», в которых слова «путь» и «дорога» существенно трансформируют свое привычное значение. В данном случае их «значение» во многом обязано с трудом эксплицируемому смысловому фону, с ними связанному. Сопоставляя «путь» и «улицу» с этой точки зрения, Липпс замечает: если первое слово есть «наиболее яркий пример» концепта, то второе по своей функции в языке приближается к понятию.

Собственно понятия различаются в «Герменевтической логике» как понятия-«захваты» (экзистенциальный тип) и понятия в тради-

ционном смысле — те, под которые «подводится» единичное. Однако под понятия подводятся не «предметы» — с ними соотносятся, скорее, представления. Понятие же соотнесено со «Что» некоего обстоятельства (Sache). Последнее, обретая форму понятия, *получает определение* (нечто распознается, например, как инфекция гриппа) (I, 55). В этом смысле понятие того или иного обстоятельства проясняет для меня последнее. Примерами «познания» (точнее: «узнавания»), связанного с использованием понятий второго рода в повседневности может служить опознавание объекта как дерева, обнаружение утерянного было зонтика и т.п. Несмотря на незначительность таких событий, механизм использования понятий здесь, по мнению Липпса, тот же, что и в более сложных ситуациях: нечто непостоянное «втягивается» в постоянство значения. Аналогичное происходит и в случаях, когда следует определить, найти неизвестное. Липпс пользуется примерами из хорошо известной ему медицины: врач, ставя диагноз больному, пытается связать наблюдаемое недомогание общим понятием определенной болезни. Здесь «понятие есть знаменатель, под который подводится болезнь во всем ее многообразии, и которым она также исчисляется как сложная, запущенная, текущая с осложнениями и т. д.». Следует сделать оговорку: Липпс не видит своей задачи в дискредитации научных понятий и «делового» отношения к миру в целом. Речь идет лишь о возвращении к первоначальным логическим формам с целью выведения из них всех последующих как производных. Те же цели преследует и рассмотрение более сложных логических форм. В противоположность последовательности понятие—суждение—умозаключение, выстраиваемой традиционной логикой, Липпс предлагает другой порядок. Центральным элементом познания провозглашается умозаключение: оно — так же, как и слово — изменяет и проясняет ситуацию. Но не только. *Умозаключение (Schluß) — это попытка разобрататься с ситуацией.* Умозаключения возникают не в пустом пространстве абстрактного познания, а в реальной жизни, когда неопределенность, в которой обнаруживает себя человек, требует незамедлительного решения. Разрешение неопределенности становится каждый раз главной задачей, а умозаключение, соответственно, играет основную роль.

«Человек заключает о чем-то, когда вещи недостаточно ясно говорят сами за себя, когда не хватает обычной констатации того, что имеешь перед глазами. Или если, при отталкивании от самоочевид-

ностей, обнаруживается, что они неудовлетворительны. Умозаключение необходимо и тогда, когда требуется найти новые резервы понимания, выяснить, что было пропущено в старых расчетах. Не обойтись без него и при изменении ситуации по сравнению со временем первого соприкосновения с ней» (I, 38 слл.). Лаконичная выразительность заключения о ситуации не является, по Липпсу, теоретической необходимостью. Человек должен принимать решения, стоя в гуще событий. Таким образом, «он принуждается к умозаключению» (I, 47). Поэтому бессмысленны попытки «обучить» кого бы то ни было делать заключения «правильно». Рожденная в конкретной ситуации, эта логическая форма может быть понята только при умении индивида «вживаться» в соответствующие обстоятельства.

Называя (умо)заключение «принципом познания» (I, 40), Липпс уточняет, что не предполагает тем самым, будто оно есть нечто элементарное и не желает вступать здесь в противоречие с классической логикой. Подразумевается следующее: заключают на основании обстоятельств, фактов, а вовсе не посылок. Последние обнаруживаются только в ретроспективном представлении, отображении (*Darstellung*) умозаключения. С помощью посылок демонстрируют «содержательную принудительность (*der sachlich Zwingende*) умозаключения» (I, 40). *Посылки* в логическом смысле следует отличать от предположений, «предпосылок» (*Voraussetzungen*), на основании которых человек верит, что имеет основание делать заключение (I, 40—41).

В противоположность умозаключению, *доказательство* (*Beweis*), являясь как бы демонстрацией однажды принятого решения, «всегда заключает в себе нечто агрессивное» (I, 46), что впрочем вполне объяснимо при попытках охранить или отстоять правильность сделанного. Создавая более адекватный философский язык, который не осуществлял бы насилия по отношению к «вещам», Липпс оказывается союзником Хайдеггера, заявлявшего, что философскому исследованию придется отказаться от «философии языка», чтобы спрашивать «о самих вещах»²³. Так, если пояснение умозаключения намерено позволить вещам «говорить самим за себя», оно должно хотя бы отдаленно воссоздать ситуацию выбора, и доказательство избирает окружной путь дискурсивного движения мысли. «С помощью того, что оно само определило как истинное, доказательство перепроверяет то, в чем усомнилось» (I, 47). Доказа-

тельство окружает себя «аргументами», коими служат факты. Разумеется, чтобы быть истолкованными в качестве аргументов, факты должны сперва быть как-то «повернуты» (*gedreht*) или постулированы (*gesetzt*). Убедительность (*Bündigkeit*) доказательства покоится на связности аргументов и отсутствии пробелов в их совокупности. Липпс не забывает отмечать коммуникативный характер каждой формы речи: доказательство есть демонстрация и всегда предполагает адресата.

Что же касается *суждения* (*Urteil*), то его нельзя назвать, по Липпсу, обычным высказыванием. В изначальном смысле оно вообще не есть предложение, но *действие*. Позднее оно становится разрешением неясного вопроса. Поскольку суждение имеет экзистенциальные основы, Липпс настаивает на недопустимости жесткой классификации видов также и этой логической формы: решающим оказываются порождающие его ситуации. Примером экзистенциального суждения может быть: «либо ты ..., либо я ...». Такой речевой формой ситуация подводится к альтернативе, требующей практического разрешения (I, 52). Итак, «высказыванием» суждение является в довольно ограниченном классе случаев. Дизъюнктивное суждение «этот треугольник либо прямой, либо равнобедренный» высказывает либо то, что человек знает, либо то, что мог знать. «Это — знания (*Erkenntnisse*), привлекаемые по случаю, однако в них не происходит никакого познания (*Erkenntnis*)» (I, 51).

Если *слово* «подводит» меня к вещи, ситуации, таким образом становясь первым шагом к реальности, *понятие* делает «понятным» отдельные ее проявления, *умозаключение* «разбирается» с ней — т.е. определенным образом ее разрешает — то *суждение* эту ситуацию «заостряет». Мы помним, что еще со времен Аристотеля главным возражением против придания многообразным слоям языка логического статуса была их неудовлетворительность с точки зрения отношения к истине²⁴. Поэтому не удивительно, что пересмотр «истины» становится одной из главных задач «Герменевтической логики».

Истинность (*Wahrhaftigkeit*) рассматривается здесь в ее соотношении с правильностью (*Richtigkeit*) и «верностью» (*Stimmigkeit*)²⁵. В качестве *правильного* может считаться вообще всякое «целесообразное поведение» (I, 14). Даже беглое и поверхностное замечание может оказаться в определенной ситуации единственно верным. Важным здесь является «слово на месте». За счет не-

которого смещения центра тяжести» с истинности на «правильность» и «соответствие», оказывается возможным допустить в логике ранее «запрещенные» формы речи: ведь и «совет *отвечает* положению другого» (курсив мой. — *И. М.*) (I, 15)²⁶. В «правильности» и «верности» не содержится никакого совпадения — лишь определенная корреляция (Akkordanz). Так, например, крик «Пожар!» выражает, указывает на действительную опасность. Нечто иное есть *истинность* сказанного. Если «правильная мысль — та, что прокладывает путь, обеспечивает успешное продвижение вперед», то «истинными мы называем мысли, если в свете успеха их усвоения, в их отраженном свете, нечто открывается».

Истина не есть нечто, что можно «предметно» подтвердить. «Лишь с натяжкой, — полагает Липпс, — мы называем верное замечание “на улице идет дождь” истинным» (I, 16). Это — не высказывание, но замечание: человек отмечает определенное обстоятельство, интересное для него лишь в связи с предстоящими планами (I, 21). Так же обстоит дело и с замечанием «еще далеко»²⁷ и т.п. В каждом из подобных выражений молчаливо со-подразумевается «здесь» и «сейчас». Мы, конечно, можем говорить о «соответствии» этого положения дел «объективной реальности», например, идущему на улице дождю, но «предмет речи», на который при этом указывают, не исчерпывает того, что указанное замечание подразумевает, иными словами: не исчерпывает семантического отношения. Аналогичным образом, выражение «Я — 40-летний» или тому подобные суть указания для ориентации другого, справка. «Я сам» при этом не являюсь опрашиваемым, как, например, в том случае, когда речь идет о моей ответственности. Обычно мы называем такие выражения *верными, правильными*, но *не истинными*. «Я» не следует считать выражением, замещающим имя собственное. Говоря «я», человек обозначает себя, заявляет о себе (I, 29). Личные местоимения суть то, что они есть, только в речи.

Итак, истина показывает себя лишь в конкретных ситуациях. «Она желает, чтобы ее искали». Так называемые прописные истины не открывают ничего — эти привилегия истины, которую ищут. Подчеркивая тем самым динамичный характер истины, Липпс вступает в интересный заочный диалог с Хайдеггером и его пониманием истины как «несокрытости». «Истина в значительно большей степени противоположна “уже-не-сокрытому”, чем “еще-не-открытому”»²⁸. Может показаться, что такой подход ограничивает

права философской истины. На мой взгляд, как раз он и сохраняет «истину» как осмысленное философское понятие. Липпс, конечно же, добавляет, что верность и соответствие могут иметь и более узкую модальность: верность предметно-содержательную. В этом случае «верность» (Stimmigkeit) может быть перетолкована как соответствие (Übereinstimmung).

Философию Ганса Липпса можно определить через принадлежность к различным направлениям. Несомненно, самое мощное влияние на его мысль оказала феноменология. Самым радикальным образом восприняв призыв Гуссерля «к самим вещам», Липпс принялся воплощать феноменологические идеалы в области языка. Кроме ученичества у Гуссерля на это повлияла еще и его солидная естественнонаучная подготовка (теоретическая и практическая): она позволила особенно остро почувствовать непригодность и неадекватность языка для адекватного описания мира. Но важно и показательное уже то, что попытка более глубоко и последовательно продумать основные принципы феноменологии привела Липпса (как и позднего Хайдеггера) к *проблеме языка*. Следующий важный вывод, который мы можем сделать, опираясь на проделанное Липпсом: радикальное и точное следование феноменологической максиме *ведет к герменевтической постановке вопроса*. Такой путь был начат в конце 20-х годов XX в. многими мыслителями. Таким образом, философия Липпса — лишь один, но весьма показательный, пример герменевтической трансформации феноменологической программы Гуссерля; в нем я усматриваю аналог достаточно важных для середины XX века событий, а именно: поворота к проблемам языка и человека.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Rodi Fr., Schuhmann K.* Hans Lipps im Spiegel seiner Korrespondenz // *Dilthey-Jahrbuch für Philosophie und Geschichte der Geisteswissenschaften*. 1989. S. 55—56. Bd. 6.

² Цит по: *Ibid.* S. 57.

³ Миш (Misch), Георг, (1878—1965), важнейший представитель школы Дильтея. С 1917 занимает вакансию Гуссерля в Геттингене. На то время — влиятельный философ; деятельность Миша по изданию собрания со-

чинений Дильтея; его обширное предисловие к пятому тому собрания (1924) оказало влияние в том числе на рецепцию Дильтея Хайдеггером.

⁴ Опубликовано в: *Lipps H. Werke. Bd. V. Frankfurt a.M. Bd-e I—V.*

⁵ Судя по всему, общее увлечение феноменологов того времени. К примеру, Хайдеггер именно через осмысления «есть» пытался построить новую онтологию.

⁶ *Lipps H. Werke. Bd. I: Untersuchungen zur Phänomenologie der Erkenntnis. 1976. [1. Auflage Bonn, 1927/28, далее ссылки на работы Липпса даются в тексте по этому изданию с указанием номера тома римскими и страницами — арабскими цифрами]. Почти так же определял тематику второго тома «Логических исследований» Э. Гуссерль: «Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis».*

⁷ Письмо от 1 авг. 1928, Шмитт отмечает при этом § 5 работы, посвященный экзистенциальному суждению. [Цит. по: *Rodi Fr., Schuhman K. Op. cit. S. 78*; как отмечают авторы статьи, в сочинениях Шмитта известна лишь одна ссылка на Липпса: при определении демократии как тождества правящих и управляемых: *Schmitt C. Verfassungslehre. 1. Aufl. Lpz., München, 1928. S. 235 f. 2. unver. Aufl. 1957*]. Следующий положительный отклик Шмитта последовал после публикации работы «Пример, образец, случай» («Beispiel, Exempel, Fall», 1931) [доклад на заседании Геттингенского кантовского общества].

⁸ Истод (*Polygala vulgaris*) — род трав и полукустарников.

⁹ Цит по: *Rodi Fr., Schuhmann K. Op. cit. S. 80.*

¹⁰ *Cassirer E. Philosophie der Symbolischen Formen. B., 1925. 2. Teil: Das mythische Denken.* Рецензия Хайдеггера была опубликована в: *Deutsche Literaturzeitung. N.F. 1928. № 5. S. 1000—1012.*

¹¹ Нюрнбергский процесс квалифицировал их деятельность как «относительно безобидную». О причинах вступления Липпса в части СС строились разные предположения, в том числе: избежать таким образом вступления в СА (в то время значительно более мощную), а также членства в НСДАП. Говорили о том, что в части СС в обязательном порядке призывались военные врачи. Вспоминали и о его личной дружбе со многими евреями: Г. Мишем, Г. Плесснером, М. Гайгером. Э. Гуссерль ответил в апреле 1934 г. на поздравительную открытку Липпса такими словами: «Очень рад, что Вы еще храните обо мне добрую память, в отличие от многих других, кому я был хорошим другом и благожелательным учителем». Цит по: *Rodi, Fr., Schuhmann K. Op. cit. S. 92.*

¹² *Gadamer H.-G. Vorwort // Lipps H. Werke. S. VII—XI. Bd. I.*

¹³ *Bollnow O.-F. Studien zur Hermeneutik. Freiburg; München, 1982. S. 197. Bd. II.*

¹⁴ Под этим общим названием опубликованы работы, вошедшие в 5-й том его собрания сочинений, см.: *Lipps H. Die Wirklichkeit des Menschen // Werke. 1977. Bd. V. 2 Aufl.*

¹⁵ Ср., напр.: *Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 32 слл.*

¹⁶ Там же. С. 69.

¹⁷ Там же. С. 208.

¹⁸ Рус. пер.: «Всякая речь что-то обозначает...». См.: *Аристотель. Об истолковании // Соч. В 4 т. М., 1978. С. 95. Т. 2.*

¹⁹ Там же. С. 79 слл.

²⁰ Здесь становится заметно отличие Липпса как от Гуссерля, так и от Хайдеггера. Липпс (как и Хайдеггер) не согласен, что изначально имеющееся у человека отношение к миру может быть «редуцировано», что от него, понятого в качестве «естественной установки», можно отвлечься. В отличие от Хайдеггера, для которого аналитика «бытия-в-мире» имеет лишь инструментальный характер, Липпс обращает более пристальное внимание на повседневные речь и существование, выделяя в них отношение *познавательное*.

²¹ Многозначность глагола «entsprechen» («соответствовать»), позволяющая толковать его как ответ, а также его этимологическая близость (entsprechend, übereinstimmend) с терминам, имеющим прямое отношение к проблеме истинности (Übereinstimmung — согласованность, соответствие), — оказываются впоследствии важными для замысла Липпса.

²² О подручном у Хайдеггера см.: *Хайдеггер М. Указ. соч. С. 68 слл.* Впрочем Хайдеггер говорит о «подручном» только «средств», т.е. «вещей». Сама же речь тематизируется им далее как одна из возможностей размыкания.

²³ *Хайдеггер М. Указ. соч. С. 166.*

²⁴ По крайней мере, именно так воспринимает эту традицию Липпс. У Аристотеля же речь больше идет о знаках, *имеющих значение*.

²⁵ Такой перевод можно считать ограниченно удачным, поскольку несколько искусственное образование — *Stimmigkeit* — мы передаем как «верность», утрачивая, таким образом, связь с *Übereinstimmung*, т.е. соответствием.

²⁶ Согласие с Хайдеггером заметно и здесь. Ср.: «О - ч е м речи не обязательно, даже большей частью не имеет характера темы определяющего высказывания. И приказ также дается о...; желание имеет свое о - ч е м. Просьба не лишена своего о-чем». *Хайдеггер М. Указ. соч. С. 161—162.*

²⁷ Вновь уместно отметить, что первым экзистенциальный характер таких слов и выражений как «близко», «далеко», «не на месте» отметил Хайдеггер. См.: *Хайдеггер М. Указ. соч. § 23.*

²⁸ Ср.: Там. же. С. 219 слл.